

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ФОРМЫ СЛОВА В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ

THE STRUCTURE AND FUNCTION OF THE FORM OF THE WORD IN THE WORKS OF RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTS

**S. Tkachenko
L. Alikaeva**

Summary. The article aims to consider the concept and forms of the term "word form" in a broader and narrower sense. According to the research results of leading Russian and foreign linguists, the analysis of internal and external forms of language is carried out. We take examples from German and English (let's compare Uhr, watch) and conduct evidence that these words are the same (watch as a noun and as a verb), but at the same time and different word forms. Through its form, a certain word is able to point us to the signs (syntactic, forming), which can accurately determine its overall meaning in the sentence.

Keywords: word form, outer form of language, inner language form, the class of words, gestures, structure, category of words.

Ткаченко Светлана Александровна

Старший преподаватель, Кабардино-Балкарский
Государственный университет им. Х. М. Бербекова
sv_t2002@mail.ru

Аликаева Лариса Солтанхаметовна

К.филол.н., Старший преподаватель, Кабардино-
Балкарский Государственный университет им. Х. М. Бербекова

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть понятие и формы термина «словоформа» в широком и более узком смысле. По результатам исследований ведущих отечественных и зарубежных лингвистов проводится анализ внутренней и внешней форм языка. Берутся примеры из немецкого и английского языков (сравним Uhr, watch) и проводятся доказательства того, что данные слова являются одними и теми же (watch как существительное и как глагол), но вместе с тем и разными словоформами. Через свою форму определенное слово способно указать нам на признаки (синтаксические, формирующие), по которым можно безошибочно определить его общее значение в предложении.

Ключевые слова: словоформа, внешняя языковая форма, внутренняя языковая форма, класс слов, жесты, структура, категория слов.

У термина «словоформа» [3, с. 384] насчитывается целый ряд различных применений, в которых нужно уверенно ориентироваться, чтобы различать их на практике. В широком смысле этот термин является особой структурой и характеристикой слова, а в более узком смысле — представителям такого класса внешних языковых форм, которые известны нам как слова.

Каждое средство выражения может называть форму, т.е. нечто формирующееся, в котором в виде материи или содержания проявляется то, что сообщается, т.е. значение [5, с. 8].

Эти формы представляют собой, например, с одной стороны, жесты [2, с. 127], и синтаксисы жестов [2, с. 127], а, с другой стороны, слова, сложные слова (в немецком языке Komposita) [6, с. 5] и словосочетания.

Многие отечественные и зарубежные лингвисты рассматривали вопросы внешней и внутренней языковых форм.

А.А. Потебня, например, делает вывод, что «область языка не совпадает с областью мысли» [4, с. 51]. Он подробно рассматривает слово, его внешнюю и внутреннюю формы. Внешняя форма слова — это его звучание,

а внутренняя форма «есть отношение содержания мысли к сознанию» [4, с. 98].

Б. Де Куртене полагает, что «внешняя история языка тесно связана с судьбами его носителей, то есть с судьбами говорящих им индивидуумов, с судьбами народа. ... Внутренняя же история языка занимается развитием языка самого по себе» [1, с. 25].

И, поскольку, слова составляют особый класс внешних языковых форм, то слова с разной структурой можно представить в качестве разных представителей этого класса. И в то время как представляется невозможным все разнообразные структуры языковых форм называть разными «формами языковых форм», потому что в этом выражении слово «форма» встречается дважды (пусть и в разных смыслах), то можно без сомнений (раз уж представилась такая возможность) называть разные словесные структуры «словоформами».

Очевидным является то, что слово «форма» здесь выступает в той же функции, что и в выражении «формы языковых форм». В широком смысле (= «форма слова») оно означает структуру или характеристику слова, посредством которой оно становится отдельным представителем класса «слово» (в отличие от положения слова в словосочетании), а в узком смысле — представителем

этого класса с той или иной структурой. В этом смысле каждый значимый или распространенный в каком — либо языке звук или комплекс звуков мог бы называться словоформой. И об этом звуке или комплексе звуков можно было бы сказать следующее: это обладающий особой структурой представитель того класса языковых форм, который в противоположность жестам и другим средствам выражения называют «словами». В этом случае немецкое слово *Uhr* и английское *watch* были бы двумя разными словоформами, т.е. разными представителями этого класса, различающимися по своей «форме», или структуре; при этом английское слово *watch* в своем названном выше значении и в значении *wachen* являлось бы одной и той же словоформой.

Известно и о совершенно ином употреблении термина «словоформа», и в соответствии с этим определением, наоборот, оба существительных *Uhr* и *watch* являются одними и теми же (*watch* как существительное и как глагол), но вместе с тем и разными словоформами. Что же в этом случае называется словоформой?

Очевидно, что это класс слов или категория слов, и что основой такой классификации является функция, или, выражаясь точнее, следует учитывать не конкретные и наиболее конкретные, а всеобщие различия в значении, которые присутствуют между различными частями речи. Здесь речь идет о таком числе «словоформ», сколько имеется частей речи — существительное, прилагательное, глагол и т.д.

Сначала это вызывает удивление: как мы пришли к тому, что разными словоформами мы называем слова с абсолютно одинаковой структурой? Не последней причиной невозможности такого определения является различие в функциях, выполняемых этими словами. Ведь функция не формирует слово, а, наоборот, формируется этим словом. На каком же основании мы говорим здесь о разных формах?

Есть смысл считать, что в таких случаях нужно искать причину возникновения такого своеобразного определения термина «словоформа», согласно которой различие в структуре слов шло бы рука об руку с различием в функциях слов, и конкретному употреблению «словоформы» противостояло бы абстрактное «форма слова». Здесь подразумевалось «оформление» слова или элемент, который придает этому слову его определенную, типичную для него структуру и который в некоторых языках более или менее обще и точно характеризует особый класс описательных средств. Так, «формами существительного» назывались те характеристики или те составные части так называемого существительного, по которым это слово можно было отнести к данному классу слов. Опираясь на эти примеры, в которых

по словам, принадлежащим к определенному классу, можно было отличить одну характеризующую «форму» от других, сам класс и относящиеся к нему конкретные случаи (формы существительного, формы глагола и т.д.) был назван «словоформами той или иной категории».

Затем лингвисты обнаружили такие слова, которые, например, выполняли функцию существительного, но при этом в своей звуковой структуре не обладали характеристиками, которые бы соответствовали этой категории описательных средств, и поэтому понятие «субстантивные словоформы» [3, с. 26] стало относиться и к этим словам; и теперь под «субстантивными словоформами» понимается не только класс слов, характеризующийся посредством звуковой структуры и функций, но и тот класс, который отличается за счет либо структуры, либо только за счет функции и положения слова в предложении, либо только за счет функции.

Предлоги и союзы также выделяются в особые классы словоформ, несмотря на то, что они не обладают элементом или типичными характеристиками, по которым к этому классу относят всех его представителей.

Стоит отметить, что для различных частей речи (таких, как существительное, глагол, прилагательное и пр.) некоторые лингвисты больше не используют термин «словоформа», а предпочитают термин «класс слов». Под «словоформой» же, очевидно, они подразумевают подклассы частей речи (например, разные падежи имени существительного). Аналогично сторонники такого подхода относят глагол к классу слов, а его спряжение — к словоформам.

И такое более узкое использование термина словоформа связано с теми случаями, когда более узкие классы описательных средств строятся и характеризуются посредством разного оформления одного и того же или схожего материала (*homo*, *-inis*, *-ini* и т.д.). Затем это название перенесли и на другие случаи, когда, например, разные падежи имеют одинаковую звуковую структуру — например, родительный и дательный падежи представляют собой разные словоформы, хотя они указывают на одинаковую «форму» и по-разному демонстрируют характерный для них принцип функционирования (или принципы функционирования).

Необходимо рассмотреть еще одно значение словоформы, которое встречается нам в связи с этим различием определенных типичных характеристик и элементов для отдельных классов слов. Способность, используя вышеописанный способ, в словах нашего языка отличить формирующийся элемент от материи, лежащей в основе таких различных оформлений, означает еще один шаг вперед. Это означает отказ ограничиваться тем, чтобы

приписывать целому слову (например, слову *hominis*) определенную функцию и говорить, что это окончание, например, является характерным признаком того, что этому слову соответствует определенная аналогичная общая функция, как и словам с аналогичной структурой — *ominis*, *ominis* и т.д. Напротив, как в слове, так и в значении двух элементов мы различаем форму и материю, и соотносим это «формальное» и «материальное» с так называемым формальным и материальным в выражении. На основании этого, «словоформой» называется не конкретный, выраженный через определенные общие принципы функционирования класс слов (а в более широком смысле — тот элемент или та характеристика слова, которые характеризуют это слово как носителя функции); словоформой называется следующее: средство выражения для формы мысли, т.е. для определенного, особенного значения или особенного элемента значения, который противостоит другим элементам подобно тому, как форма противостоит материи.

Понятие словоформы в представлении лингвиста Вундта имеет двойной смысл [7, с. 2]. Если отдельное слово рассматривать в отрыве от речи, то через свою форму оно сообщает нам признаки, по которым можно безошибочно определить его общее значение в предложении, даже когда невозможно выявить особые отношения, в которых это слово находится с другими словами в предложении. Так, видя отдельное греческое или латинское слово, мы обычно можем определить, является ли оно существительным, глаголом, прилагательным и т.д., какой у него падеж, число, наклонение, временная форма (если это слово не принадлежит к классу неизменяемых частей речи). Все эти внешне определяемые признаки — которыми слово может обзавестись, только заняв определенное место в предложении, но которые при этом присущи исключительно этому слову — можно назвать «внешней формой слова». Следовательно, под внешней словоформой, по мнению Вундта, нужно понимать структуру слова, указывающую на то, что слову соответствует определенная общая функция, т.е. что оно принадлежит к той или другой категории частей речи [5, с. 185].

В настоящее время в знакомых нам языках отдельное слово может частично или полностью утратить эти признаки. Например, возьмем слова *gebe* и *Gabe*. Несмотря на то, что сразу видно, что первое слово является глагольной словоформой, а второе — субстантивной словоформой, более подробной информацией о них мы не владеем: *gebe* может стоять как в изъявительном наклонении, так и в форме конъюнктива настоящего времени, а *Gabe* может стоять в любой падежной формой в единственном числе. Такое слово, как английское *like* (синонимом в немецком языке является *gleich*, *gleiches*) может выступать в роли наречия, прилагательного, су-

ществительного или (в значении «нравиться») глагола, причем в данном случае на словоформу не влияет меняющееся понятийное положение этого слова. Несмотря на это, бесспорным является тот факт, что такое слово каждый раз принимает значение конкретной словоформы, существительного, глагола, наречия и т.д. и что при определенных условиях ему соответствует определенный падеж, время, число и т.д. [5, с. 186].

Определив, что таким словам, как *Gabe*, *gebe* и английскому *like* каждый раз соответствует значение конкретной словоформы, существительного, глагола и т.д. с конкретным падежом, временем и числом, Вундт далее полагает, что слово, однако, принимает данное значение через отношение, в котором это слово состоит с другими словами в речи. Эта понятийная определенность, присваиваемая слову в зависимости от его положения в предложении, может называться внутренней словоформой [5, с. 186].

Мы рассмотрели условия, определяющие форму, в языках, в которых (как в английском и немецком) словоформа распознается как через внешние, так и через внутренние признаки, проявляющиеся через связь с другими словами. Теперь необходимо рассмотреть подобные явления и в таких языках, в которых внешне различимые признаки вообще отсутствуют. О них мы можем сказать, что они не имеют внешних словоформ; но не следует отрицать существование в них словоформ в целом, поскольку даже в этих языках на постоянной основе присутствуют внутренние словоформы, и в предложении их обычно можно четко выявить по определенным признакам порядка слов.

Существуют, несомненно, различия между «внешней» и «внутренней» словоформой.

Под «внутренней словоформой» можно понимать только ту общую функцию в предложении, ту принадлежность к определенному классу слов (такому, как существительное, прилагательное, глагол и т.д.), которая соответствует этому слову в речи. Так, чтобы во «внешней» и «внутренней словоформе» внешнее и внутреннее соотносились так, как значение и то, посредством чего это значение внешне выражается; но последнее с тем ограничением, что этот внешний признак присущ самому слову («формирующий признак», как пишет Вундт) [5, с. 187].

Функция слова как существительного, глагола и т.д. также называется «понятийная определенность», приписываемая каждому слову, в зависимости от его положения в предложении [5, с. 187]. Этот способ выражения обусловлен тем, что каждая «словоформа» как значение соответствует определенной «понятийной форме», например, глаголу — понятия состояния, существительного

му — понятия предмета, частицам — понятия отношений и т.д.

В основе той или иной понятийной формы лежит функция внешней словоформы или — согласно выше-сказанному — внутренней словоформы.

В определенных местах «внутренняя словоформа» означает лишь следующее: фиксированное положение слова, если такое имеется и формирует признак определенной общей функции этого слова. Данное фиксированное положение может и отсутствовать, но, несмотря на это, слово используется в живой речи и ему, по мнению Вундта [5, с. 188], соответствует «внутренняя форма» в том ее смысле, который был описан выше, т.е. всеобщая «понятийная определенность» или определенная функция (роль существительного, глагола и т.д.). Связь и фиксированное положение слова по отношению к другим словам — это не одно и то же.

Но если фиксированное положение имеется, то оно — как уже было отмечено — представляет собой то, что Вундт в определенных примерах понимает под «внутренней словоформой». Для таких понятий, как именные и глагольные части речи, существительное и прилагательное, разные падежные и временные формы... основополагающими являются не только внешние элементы формы, но и признаки внутренней словоформы. Если, например, форма родительного падежа характеризуется лишь тем, что слово в родительном падеже следует за или предшествует имени, к которому оно относится, то это формальное свойство, характеризующее словоформу (здесь, очевидно, снова: словоформа=категория слов) — такую же роль выполняет присоединяющийся падежный суффикс. — Может ли здесь под «внутренней словоформой» подразумеваться, как раньше, функция, свойственная существительному/прилагательному, глаголу, определенному падежу, времени и проч.? Нет. Скорее, здесь подразумевается фиксированное положение слова, при условии что оно указывает на принадлежность слова к определенному классу слов и на соответствующую общую функцию.

Незаметный переход Вундта от вышеназванного к этому языковому употреблению понятий, если учесть,

что значение термина «внутренняя словоформа» скорее является дополнением понятия «внешней словоформы», под которой, как мы уже отмечали, подразумевается фиксированный (но присущий самому слову) признак принадлежности к определенной категории слов.

Но это еще не все. Мы должны рассмотреть еще и третье значение «внутренней словоформы», чтобы понять, о чем идет речь далее. После слов о том, что «признаки, определяющие формальную ценность слова (очевидно, это означает: принадлежность к определенной категории слов) бывают двух видов (а именно, синтаксические и формирующие признаки), что в одних языках (например, в китайском) образуются только синтаксические признаки, а в других (например, в греческом или латыни) «словоформа определяется преимущественно формирующимися признаками отдельного слова», Вундт сетует на то, что «под сильным влиянием выше-названных классических языков грамматика сводит понятие «словоформа» к более узкому значению внешней словоформы».

Рассмотрев точки зрения Вундта и Марти о понятии «словоформа», формы и существенные признаки, можно констатировать, что взгляд на этот вопрос с точки зрения философии требует более общего понятия. Поскольку каждое слово возникает только в связи с речью, то оно с самого начала обладает определенным формальным значением. Понимается ли это значение через внешние признаки, внутренние признаки или через оба эти вида признаков, это уже второстепенный вопрос.

Что здесь следует понимать под «более общим понятием словоформы», которого должна придерживаться психология по отношению к грамматике?

Принимая во внимание обоснования того, почему необходимо придерживаться этого более общего понятия словоформы, можно в качестве довода привести тот факт, что каждому слову в речи соответствует формальная ценность, а, следовательно, под «формой» может подразумеваться исключительно функция самого слова как глагола, наречия и т.д., а не постоянный признак этой функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Языковедение и язык: Исследования, замечания, Программы лекций. — М.: Издательство ЛКИ, 2010.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М., Новое литературное обозрение, 2002.
3. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. Потенция, А. А. Мысль и язык. — 3-е изд. — Харьков: Мирный труд, 1913
5. A. Marty. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie, 1. Bd, Halle a.S., 1908.
6. Livio Gaeta & Barbara Schlücker. Das Deutsche als kompositionsfreudige Sprache. Strukturelle Eigenschaften und systembezogene Aspekte. Berlin, New York, 2012.
7. W. Wundt. Völkerpsychologie. Erster Band, zweiter Teil: Die Sprache. 6. Kapitel: Die Wortformen. 1900.

8. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/143133>
9. <https://www.kakprosto.ru/kak-832079-что-такое-slovoforma->
10. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0>

© Аликаева Лариса Солтанхаметовна (sv_t2002@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский Госуниверситет им. Х. М. Бербекова